

Европейская и японская неизвестные величины в многополярном балансе

(начало на стр. 1)

Концептуальные рамки научного открытия действительного раздела парадоксальным образом завершатся в 1989–1991 годах окончанием отношений между США и СССР с распадом Ялтинского порядка. Распаду СССР способствовали темпы развития Азии, которые Москва не смогла выдержать. Цикл перевооружения, предпринятый в США в период президентства Рональда Рейгана, отражал своеобразную комбинацию игры баланса: Вашингтон намеревался сохранить военное превосходство над всеми державами, включая Европу и Японию, но этот перевооруженческий порыв подорвал способность к сопротивлению российского империализма.

Это был непреднамеренный результат – фундаментальный закон политики. В условиях отсутствия противовеса в лице СССР США лишились военно-стратегической помощи Москвы в сохранении раскола Германии и Европы. Объективное содержание баланса сил в *действительном разделе* между США и СССР подтвердилось к самому концу Ялты; объединение Германии ускорило создание единого европейского рынка, запустило Маастрихтский договор о превращении ЕЭС в политический союз, привело к объединению монетарной власти в ЕЦБ и расширению ЕС, в *новом разделе*, который отнял Восточную Европу у России и включил её в архитектуру Евросоюза, состоящую из федеральных и конфедеральных властей. В Вашингтоне решили обусловить одобрение воссоединения Германии её привязкой к НАТО: Соединённые Штаты сохраняли приверженность европейскому балансу, а подтверждение атлантической связи предотвращало возможность свободного движения Германии на Восток и в направлении Азии. Документы о бурных переговорах тех месяцев между Джорджем Бушем и Михаилом Горбачевым свидетельствуют, что даже президент СССР был убеждён, что Германия, сдерживаемая Атлантическим альянсом, предпочтительнее Германии, свободной в своём собственном *Sonderweg*, одиноком пути в трёхсторонних отношениях с другими державами.

В то время под словом “Азия” подразумевалась прежде всего Япония в роли восходящей державы в балансе сил, которая сегодня принадлежит Китаю: на протяжении 1980-х годов Вашингтон рассматривал Токио как промышленную и финансовую угрозу, а восхождение Японии вызвало дискуссию об относительном упадке Америки. С этим связано и другое развитие марксистской теории международных отношений: конец Ялты и то особое равновесие, которое складывалось вокруг объединения Германии и европейского процесса, нельзя было анализировать без учёта Азии.

Именно в отношении Японии Черветто в начале 1980-х годов отметил следствие закона *неравномерного развития*: восхождение новой державы означает появление нового претендента на империалистический раздел, но в специфической динамике равновесия и игры баланса это не обязательно означает только противопоставление устоявшимся державам. В системе государств, движимых борьбой между империализмами, «каждая держава в своём стремлении к образованию альянсов, ослаблению альянсов, использованию альянсов или в стремлении остаться в стороне от всяческих альянсов заинтересована разыгрывать максимально возможное количество карт»¹. Конец Ялты подтвердил этот научный критерий во всех его нюансах, в потенциальной возможности корреляции между Германией и Японией и в последовавших за этим решениях США и СССР. То же самое можно сказать и сегодня, с вторжением Китая; научные критерии марксистского использования теории равновесия могут быть взяты на вооружение и актуализированы в новой стратегической фазе.

Хотя Соединённые Штаты больше не могут играть в игру баланса *действительного раздела*, американский интерес к связыванию Европы не исчез. Уолтер Рассел Мид даёт свою версию этого, оценивая именно связь между войной на Украине и стратегической шахматной доской Азии. Он пишет в *Wall Street Journal*, что данный конфликт – это «возможность» для США. Украина выйдет из «боевого крещения» в качестве «грозной» силы, с проверенной в боях армией, что изменит стратегический ландшафт: «Она присоединится к Польше, Балтийским республикам и Скандинавским странам в блок, ориентированный на оборону против российского

экспансионизма». Поскольку эта опасность сохраняется, этот блок будет привержен Атлантическому альянсу и будет рассматривать США как ключевого союзника для своей обороны. «Он, – внимание, – будет использовать свой вес в НАТО и Европейском союзе против любых попыток более слабых европейцев играть на трёхсторонних отношениях между Вашингтоном и его антагонистами».

При этом, заметим, в новых стратегических условиях, пожалуй, актуализировались две цели – ялтинская и постъялтинская: разжигание раскола в Европе и препятствование игре ЕС на подборе с восходящими Азией и Китаем.

Каждая линия и каждая стратегическая гипотеза должны оцениваться в соответствии с соотношением действующих сил, которые, как мы видели, входят в совокупный параллелограмм сил глобального равновесия. Безусловно, есть фактические элементы, которые указывают на направление, предначертанное Мидом. Противостояние вокруг перспектив вступления Украины в НАТО носит именно такой характер, и среди гипотетических формул есть израильская модель Киева вооружённого, финансируемого и гарантируемого Западом и созданного в качестве постоянного гарнизона против Москвы. Соединённые Штаты сопротивляются полноправному членству Украины в НАТО: даже если принятие решения будет отложено до окончания нынешней войны, в случае будущего кризиса Атлантический альянс откажется втянуть в борьбу с Россией в соответствии со статьёй 5 Договора. Красной линией Джо Байдена, как утверждается, является «недопущение третьей мировой войны».

Генри Киссинджер придерживается противоположного мнения: если в прошлом он был против расширения НАТО за счёт Украины, выступая за её «финляндизацию» в качестве буферного государства, то сегодня он считает крайне опасным перевооружение Киева без привязки его к дисциплине альянса. Даже Владимир Путин, предполагает бывший госсекретарь США в интервью *The Economist*, может быть убеждён в том, что Россия была бы заинтересована в том, чтобы в Атлантическом альянсе находилась находящаяся под контролем и умеренная Украина. По данным *Le Monde*, Эмманюэль Макрон также решил поддержать будущую интеграцию Киева в НАТО, что является тактическим ходом, призванным открыть Польше и странам Балтии путь к переговорам, разубедить Москву и надавить на Владимира Зеленского.

Факт остаётся фактом: Украина в качестве европейского Израиля останется вбитым клином в Восточную Европу, долгое время препятствуя восстановлению *Ostpolitik* и обуславливая возрождение отношений между ЕС и Россией. Но корреляция поляков, прибалтов и скандинавов, о которой говорит Мид, если она, конечно, и будет обуславливающим фактором, на самом деле будет обладать такой силой в ЕС и НАТО, чтобы пустить под откос отношения между Европой и Китаем?

В многочисленных интервью по случаю 100-летия Киссинджера, одно замечание, касающееся стратегических пропорций восхождения Китая, заслуживает особого внимания. В *The Economist* Киссинджер высоко оценивает прагматизм индийской внешней политики с точки зрения балансирования Китая, но при этом говорит, что ожидает, что Япония в течение «пяти лет» переступит порог обретения ядерного оружия. Реалистическая адаптивность американской политики будет подвергнута испытанию. В *Wall Street Journal* он уточняет: Китай рассчитывает стать доминирующей державой в Азии. Смирятся ли с этим Индия и Япония? Токио, в ответ, «разработает собственное оружие массового поражения» в течение «трёх, пяти или семи лет». Два соображения. Надвигаются крупные потрясения: «стратегический сюрприз» – непредсказуемые события, такие как разрывы или развороты альянсов, – это ещё одна закономерность изменения баланса сил. Наряду с Китаем на первый план выходят другие крупные и средние державы, что приводит к изменению мировой динамики; США, Европа и Китай конкурируют за отношения с так называемым «глобальным Югом». Трудно представить, что Вашингтон сможет направлять все изменения такой сложной игры баланса; мировая Ялта была невозможна во времена *действительного раздела* между США и СССР, и это тем более верно сегодня, когда в результате длительного развития произошёл относительный *атлантический упадок* и укоренился плюрализм сил многополярности.

Во-вторых, возможность превращения Японии в ядерную державу намекает на интенсивность линий разлома, проходящих через глобальный порядок. На первый взгляд, существует диспропорция между изменениями, вызванными войной на Украине – конфликтом, который представляется пережитком катастрофы СССР 1989–1991 годов и остаточных серых зон нового

раздела, – и их усугубляющими последствиями для немецкой *Ostpolitik*, отношений между Европой и Россией, будущим напряжением на Востоке и предполагаемым смещением центра тяжести ЕС в сторону Польши и стран Балтии. Если видеть в войне эффект колоссального сдвига сил, вызванного вторжением Китая, то всё сходится. Путин неожиданно начал свою военную авантюру, полагая, что кризис порядка предоставил ему такую возможность, и ничто иное как тектонический сдвиг, происходящий из Азии, застал Европу на середине пути, всё ещё отстающей в своей недостаточной военно-политической централизации.

Если так, то возникает ещё одна диспропорция, связанная с возможностями реагирования Берлина и Парижа. Если ожидается ядерный Токио, то как рейнская ось может двигаться пропорционально?

Речь Макрона на форуме *Globsec* – это, пожалуй, наиболее чёткое изложение возможных целей игры ЕС от обороны в условиях кризиса на Украине, который усилил позиции Атлантики и обнажил европейское отставание. По возвращении с саммита Большой семёрки в Токио Макрон говорил о Европе как «*третьем полюсе*» между США и Китаем. В Братиславе французский президент, с одной стороны, обратил внимание на атлантический момент, который сделал своим центром Восточную Европу: «*есть только одна Европа*»; было неправильно не прислушаться к Востоку по поводу Украины; идея «*замены НАТО франко-германским кондоминиумом*» исключена; Европейская армия будет «*опорой НАТО*». Фокус на Восточной Европе перекликается и, возможно, конкурирует с акцентами, расставленными в августе прошлого года Олафом Шольцем в его программной речи в Карловом университете Праги, но Макрон возвращается к понятиям «*стратегическая автономия*» и «*европейский суверенитет*» с набором определённых целей: «*промышленная база*» для военного суверенитета; европейский голос в договорах о ракетном и ядерном сдерживании; «*потенциал глубокого удара*» в баллистических ракетах; «*противовоздушная оборона*», которая учитывает «*ядерное сдерживание*».

Есть ли у Макрона существенный консенсус с немецкой стороны? Если в Париже и Берлине дальнейшее расширение ЕС ставится в зависимость от усиления способности федерального ядра принимать решения большинством голосов, то практические шаги для такого скачка в политической централизации не кажутся определёнными. Принятый в Берлине документ по национальной безопасности пока представляет собой лишь общие рамки. По вопросу о противоракетном щите Франция и Германия, похоже, скорее конкурируют, чем сближаются. Париж возражает против того, что проект Европейской поддержки социальных инноваций (ESSI) не основан на европейской промышленной базе и ставит вопросы стратегической доктрины, сообщает *Le Monde*: инициированный Германией противоракетный щит может «*нарушить балансы, связанные с ядерным сдерживанием*» и возобновить гонку атомного перевооружения. Что касается европейского сдерживания, то ХДС Фридриха Мерца предполагает создание «зонтика» на основе французского и британского ядерного оружия, а не просто европеизации *force de frappe*². Европейское перевооружение началось. Скоординированный же ответ рейнской оси, соразмерный стратегическому вызову, задерживается.

Июнь 2023 г.

¹ – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей»», 2019. С. 210.

² - Сил ядерного сдерживания.